

Феномен этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев "корёин маыль" в Южной Корее

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vakulenco@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев в Южной Корее, проведённого в период с октября 2022 г. по декабрь 2023 г. В результате проделанной работы автор изучил историю появления термина и самого феномена корёин маыль в Южной Корее, а также предложил своё определение корёин маыль, выявил ряд общих характеристик этих этнокультурных анклавов и попытался выработать их базовую классификацию.

Ключевые слова: Южная Корея, корё сарам, корёин маыль, этнокультурный анклав, трудовая миграция, зарубежные соотечественники

Для цитирования: Акуленко В.С. Феномен этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев "корёин маыль" в Южной Корее // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/51-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/51-63>

The Phenomenon of Ethnocultural Enclaves of Russophone Koreans "Koryöin Maül" in South Korea

Vadim S. AKULENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vakulenco@mail.ru

Abstract. This article details the findings of a study conducted from October 2022 to December 2023 on the ethnocultural enclaves of Russophone Koreans in South Korea. The research delves into the historical origins of the term "Koryöin Maül" proposes a refined definition. It identifies key characteristics shared by these enclaves and introduces a preliminary classification scheme. Distinguished by a strong ethnic presence and a somewhat insular community formed around a common language (Russian) and shared cultural practices, the "Koryöin Maül" can be defined as ethnocultural enclaves. These areas are self-determined and universally recognized among their residents. Through my research, I have concluded that the "Koryöin Maül" I studied share a number of common characteristics. They all have distinct boundaries, formed by both terrain features and patterns of residential development. These neighborhoods also house a significant number of ethnic businesses, whose success largely hinges on the customer base formed within the ethnic enclave itself.

Keywords: South Korea, Koryo-saram, Koryöin Maül, ethnocultural enclave, labor migration, foreign compatriots

For citation: Akulenko V.S. The Phenomenon of Ethnocultural Enclaves of Russophone Koreans "Koryöin Maül" in South Korea // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 51–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/51-63>

Введение

По информации Минюста Республики Корея, число русскоговорящих корейцев из стран постсоветского пространства, находящихся на территории страны по визе зарубежного соотечественника (F-4), составляет более 79 тыс. человек [9]. Если же к этому числу добавить всех тех, кто уже получил южнокорейское гражданство, либо обладает другим типом визы, их общее число оценивается в более чем 100 тыс. человек. Большая их часть проживает в довольно многочисленных и стабильных сообществах, получивших в настоящее время название "корёин маыль", что может быть примерно переведено на русский язык как "квартал русскоговорящих корейцев".

Изучение вопроса появления термина "корёин маыль" в южнокорейской научной литературе показало, что впервые он мог быть применён в 2007 г. в статье Ким Сонгуна [8], однако тогда он использовался при описании неизвестной "деревни Дружба" (Учжон маыль) в приморской Михайловке недалеко от Уссурий-

ска. Позднее он был использован также в работе Им Ёнсана и Майи Пак о "новом Кореатауне" в Ташкенте [11]. Таким образом, термин "корёин маыль" возник для обозначения мест компактного проживания русскоговорящих корейцев за пределами Южной Кореи, возможно, как калька более известного в научной литературе термина "Koreatown".

В южнокорейских границах название "корёин маыль", похоже, было вначале применено к отдельной русскоговорящей общине, проживающей в районе Вольгок-тон города центрального подчинения Кванчжу. В 2014 г. там была образована и зарегистрирована некоммерческая организация "Корёин маыль", чьё название постепенно стало именем нарицательным, обозначающим вообще все места компактного проживания русскоговорящих корейцев, число которых во второй половине 2010-х гг. начало стремительно расти.

При этом нельзя не отметить, что корёин маыль не стоит понимать слишком узко как место проживания только русскоязычных корейцев. После переселения в Южную Корею корё сарам¹ не утратили свои социальные и родственные связи, что нередко приводило к переезду вслед за ними родственников, друзей и даже знакомых, зачастую обладающих иной этничностью. Кроме того, русскоязычные корейцы нередко вступают в межэтнические браки. В этой связи автор предлагает трактовать корёин маыль более широко, как район компактного проживания сообщества русскоязычных мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которого являются русскоязычные корейцы.

Сообщество корёин маыль формируется на основе общности языка (русского) и культуры повседневности, а также хорошо ощущается в городской среде благодаря наличию русскоязычных вывесок и объявлений и специфическому облику его жителей. Подобные корёин маыль районы городов, как правило, выделяются самими горожанами как места жизни конкретных городских сообществ [3, с. 28]. Важной частью корёин маыль являются этнические бизнесы, успех и конкурентоспособность которых основываются на потоке клиентов определённых этнических групп, обладающих специфической бытовой культурой. Наличие этнических бизнесов является одним из важных свойств этнокультурного анклава [4], что вместе с уже перечисленными выше характеристиками корёин маыль позволяет определить их именно так.

Этнокультурный анклав является способом структурной интеграции, который обеспечивает возможность экономической мобильности его населения, не требующей от мигрантов адаптации к культурным практикам принимающего сообщества [5, с. 66]. Значительная часть жителей корёин маыль обладает низким знанием языка и институтов принимающей страны. Для них родным и главным языком общения является русский язык, и даже спустя несколько лет проживания в Южной Корее уровень владения корейским языком продолжает быть удивительно низким. Этому способствуют различные факторы, далеко не последним из которых является наличие большого числа посредников, в том числе из числа русскоговорящих корейцев, которые готовы за определённую плату обеспечить коммуникацию жителей корёин маыль с официальными институтами или представителями автохтонного населения. Различные офисы и конторы, специализирующиеся на таком посредничестве, – важная часть инфраструктуры корёин маыль.

Значимой характеристикой этнокультурного анклава являются его внешние проявления, позволяющие выделить его границы в городском ландшафте. Ежедневные виды, звуки и взаимодействия, которые наблюдаются в публичных местах этнокультурных анклавов, отражают культуру определённой группы населения [4]. В корёин маыль хорошо заметна смесь элементов повседневной культуры стран Центральной Азии, России и самих корё сарам. Этот этнокультурный анклав легко узнать по вывескам и объявлениям, написанным преимущественно на рус-

¹ Корё сарам – самоназвание большей части этнических корейцев на постсоветском пространстве.

Провинция/город центрального подчинения	Число обладателей визы F-4 из стран постсоветского пространства (чел.) / их доля от общего числа
пров. Кёнги	30 309 / 38.25%
пров. Южная Чхунчхон	12 322 / 15.55%
г. Инчхон	10 102 / 12.75%
пров. Северная Чхунчхон	6 002 / 7.57%
пров. Южная Кёнсан	5 121 / 6.46%
пров. Северная Кёнсан	4 292 / 6.46%
г. Кванчжу	3 912 / 4.94%
г. Сеул	2 268 / 2.86%
г. Пусан	1 546 / 1.95%
г. Тэгу	1 462 / 1.85%
г. Ульсан	498 / 0.63%
пров. Канвон	355 / 0.45%
пров. Северная Чолла	328 / 0.41%
пров. Южная Чолла	315 / 0.40%
г. Тэчжон	133 / 0.17%
пров. Чечжу	79 / 0.10%

Табл. 1. Распределение русскоговорящих корейцев со статусом визы F-4 по территории Южной Кореи в порядке убывания численности.

Источник: [9].

Table 1. Distribution of Russian-speaking Koreans with F-4 visa status across South Korea by descending order of population.

Source: [9].

ском языке и с применением кириллицы, широкому использованию русского языка в повседневном общении и специфическому облику жителей.

Несмотря на то, что корёин маиль – это достаточно новый для Южной Кореи феномен, начавший формироваться в 2010-е гг., проведённое исследование позволяет предположить, что общее число подобных этнокультурных анклавов в настоящий момент может достигать более одного десятка. В то же время, по мнению южнокорейского исследователя Им Ёнсана, в настоящий момент количество корёин маиль вплотную приблизилось к тридцати [12]. Такой разброс в оценке объясняется, во-первых, отсутствием чёткого определения того, что можно называть корёин маиль, а во-вторых, большой разницей в уровне развития местных русскоязычных сообществ.

Принимая во внимание предложенное выше определение корёин маиль как этнокультурного анклава русскоязычных мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которого являются русскоязычные корейцы, для выделения корёин маиль можно применить соответствующие инструменты.

Индекс локализации, использующийся в социально-географических исследованиях для выделения районов с существенным превышением средней доли по стране или городу определённой группы, известный также как метод "двойной доли" [1, с. 378], позволил обнаружить места компактного проживания русскоязычных корейцев в Южной Корее.

Рис. 1. Расположение крупных корёин маыль на территории Южной Кореи.

Источник: составлено автором в Google Maps.

Fig. 1. Location of major Koryoin Maeul within South Korea.

Source: compiled by the author in Google Maps.

Обнаруженные таким образом места компактного проживания русскоязычных корейцев были обследованы в ходе полевого этапа с использованием методики Ю.Ф. Кельман, предполагающей группировку всей полученной информации по 12 группам с последующей оценкой их выраженности [2, с. 60].

Для анализа истории развития этнокультурных анклавов была изучена имеющаяся научная литература по данной теме. К сожалению, как в русскоязычных, так и зарубежных работах данный феномен изучен очень слабо, и главным образом предпочтение в них отдаётся исследованию наиболее крупных и организованных корёин маыль в городах Кванчжу, Ансан и Инчхон. В этой связи важное место в подготовке работы заняли полуструктурированные интервью с представителями местных общин.

В ходе предварительной стадии исследования была изучена научная литература и сообщения прессы, проанализированы статистические данные и проведены предварительные обследования предполагаемых мест расположения этнокультурных анклавов с использованием картографических сервисов Daum Map и Какао Мар.

Фото 2. Квартал "вилл" в г. Ансон.

Источник: фото автора.

Foto 2. The "Villa" Quarter in Anson.

Source: Author's photo.

В ходе полевого этапа, проведённого в период с октября 2022 по декабрь 2023 гг., была выполнена фото и видео фиксация предполагаемых мест локализации корёин маыль в городах Ансон, Асан, Инчхон, Чхончжу, Кёнчжу, Кимхэ, Пусан, Кванчжу, Тонхэ, Тэгу и Хвасон, а также полуструктурированные интервью с членами местных русскоязычных сообществ. Во время этого этапа маршрут следования записывался при помощи Garmin GPS service.

Полученный таким образом данные были обработаны и проанализированы на финальном этапе.

История появления корёин маыль

Как уже было отмечено во введении, само название этнокультурных анклавов, ядром которых являются русскоязычные корейцы, появилось не так давно. Однако феномен формирования русскоязычных сообществ на территории Южной Кореи зародился гораздо раньше. Ещё в 1990-е гг. вслед за нормализацией и установлением официальных дипломатических отношений между Южной Кореей и странами бывшего СССР туда начали всё чаще прибывать граждане этих государств, среди которых были и этнические корейцы. Возможно, основу процесса формирования первых сообществ русскоязычных корейцев на территории Южной Кореи заложила репатриация сахалинских корейцев, начавшаяся во второй половине 1990-х гг. Наличие недвижимости и статуса граждан Южной Кореи в немалой степени облегчило переезд вслед за ними их младших родственников. А знание корейского языка, которое было утрачено сахалинской диаспорой в наименьшей степени, не только помогало в адаптации в принимающем сообществе, но и в дальнейшем позволило им сыграть роль посредников между автохтонным населением и государственными и частными институтами, с одной стороны, и русскоязычными мигрантами – с другой.

С начала 2000-х гг. в Южную Корею всё чаще начинают приезжать и т.н. корё сарам – потомки корейцев, депортированных в Среднюю Азию в 1937 г. В те годы они ещё не обладали правом на получение специфических видов виз для зарубеж-

рии Южной Кореи для русскоязычных корейцев вне зависимости от принадлежности к т.н. первым трём поколениям (отсчитывается с момента освобождения Кореи 15 августа 1945 г.) и закреплением этой возможности на законодательном уровне [6].

Таким образом, в 2010-е гг. изменения в южнокорейском законодательстве позволили русскоязычным корейцам переезжать в Южную Корею целым семьям в составе нескольких поколений, что обусловило появление постоянного населения в сообществах, ставших в будущем основой для формирования корёин маыль. Дополнительным фактором, педалирующим развитие данного процесса, стала ухудшающаяся экономическая ситуация на постсоветском пространстве. Растущее русскоязычное население, обладающее специфическими пищевыми привычками и бытовой культурой, стало благоприятной средой для роста этнических бизнесов. Именно после 2012 г. отмечается появление в будущих корёин маыль первых кафе и магазинов, ориентированных на удовлетворение их потребностей. Рост специфической инфраструктуры, в свою очередь, привлекал в растущий этнокультурный анклав всё большее число русскоязычных мигрантов, не все из которых обязательно являются этническими корейцами.

Корёин маыль на карте Южной Кореи

Русскоговорящие корейцы, формирующие ядро этнокультурного анклава корёин маыль, находятся на территории Южной Кореи в различном статусе. Среди них есть те, кто уже получил южнокорейское гражданство или вид на жительство, вступил в брак с гражданином Южной Кореи, а также получил визу зарубежного соотечественника, рабочую визу или визу сопровождающего лица. К сожалению, есть и те, кто находится на территории южнокорейского государства незаконно. Из всех этих статусов наиболее многочисленной категорией, согласно данным Минюста, являются обладатели визы зарубежного соотечественника (F-4). Данный статус позволяет этническим корейцам, которые не являются гражданами Южной Кореи, проживать на её территории практически неограниченный период времени. По состоянию на конец декабря 2023 г. в Южной Корее был зарегистрирован 79 241 обладатель данного статуса, имеющий гражданство одной из стран бывшего СССР.

Как видно из таблицы №1, подавляющее число русскоговорящих корейцев со статусом визы F-4 (42 679 чел. / 53,91%) проживает в столичном регионе (пров. Кёнги, г. Сеул, г. Инчхон). В находящихся немного южнее провинциях Северная и Южная Чхунчон располагается ещё примерно четвертая их часть. Ещё одним центром локализации являются провинции Северная и Южная Кёнсан и расположенные здесь крупные города Тэгу, Пусан и Ульсан. И единственным местом, где обнаруживается значительное число русскоязычных корейцев в юго-западной части Южной Кореи, является Кванчжу.

Фото 2. Объявление о недопустимости неправильной утилизации мусора (г. Кёнчжу).

Источник: фото автора.

Foto 2. Notice on the prohibition of improper waste disposal (Gyeongju City).

Source: Author's photo.

Интересно, что пропорции распределения русскоязычных корейцев по территории Южной Кореи отличается от тех, что можно видеть у этнических корейцев из КНР, имеющих тот же тип визы. Так, большинство из них живет в столичном регионе (82,84%), и лишь 7,83% и 6,12% предпочитают провинции Северная и Южная Чхунчхон и Северная и Южная Кёнсан соответственно [9]. Ещё одна заметная категория иностранцев – вьетнамцы, напротив, довольно равномерно распределены по территории Южной Кореи и, согласно статистическим данным, более всего предпочитают юго-восточные провинции Северная и Южная Кёнсан (45%), в то время как лишь треть из них проживает в столичном регионе. Причины таких различий в моделях распределения по территории Южной Кореи могут быть связаны с несколькими факторами, среди которых тип занятости и знание языка, скорее всего, имеют первостепенное значение.

При этом внутри отдельных городов и провинций не всегда возможно выделить район со значительным числом проживающих там русскоязычных корейцев. Типичными в этом смысле кейсам являются столица Южной Кореи Сеул и "морские ворота Южной Кореи" – Пусан, где нет ни одного городского района, где число русскоговорящих превышало бы 500 человек и составляло хоть сколь значительную долю местных жителей. В то же время в третьем по численности южнокорейском городе Тэгу подавляющее большинство обладателей визы F-4 проживает в уезде Тальсон (1 170 чел.), а в известном своими демократическими традициями Кванчжу они локализируются в районе Квансан (3 853 чел.).

Внимательное изучение статистических данных позволяет выделить несколько муниципалитетов на территории Южной Кореи, где большее число русскоговорящих корейцев указывает на формирование важного условия для появления корёин маыль – значительного превышения т.н. "двойной доли". К примеру, доля обладателей визы F-4 в составе населения Южной Кореи составляла около 0,15% (2023 г.). Для города Инчхона она уже равняется 0,34%, то есть составляет двойную долю от общекорейской. А для отдельного района Ёнсу и вовсе 1,94% [9]. Такое значительное превышение сигнализирует, что здесь могут сложиться условия для формирования этнического анклава. При этом в отдельных кварталах доля русскоязычного населения исчисляется двузначными цифрами.

Проведённое вслед за изучением статистических данных полевое исследование позволило подтвердить выводы предварительного этапа и выдвинутую гипотезу о том, что в местах большой концентрации русскоязычных корейцев формируется необходимый для появления этнических бизнесов поток клиентов, вслед за которым зарождающийся этнокультурный анклава начинает притягивать к себе всё большее число русскоязычных мигрантов.

К настоящему моменту в ходе проделанного исследования были обнаружены крупные этнокультурные анклавы корёин маыль в районах Вонгкок-тон и Сонбудон г. Ансан (рис. 1, № 2), в районе Ёнсу-1-дон г. Инчхон (рис. 1, № 1), в волостях Синчхан (рис. 1, № 6) и Дунпхо (рис. 1, № 5) города Асан, в волости Тэдок г. Ансон (рис.1, № 4), районе Хяннам г. Хвасон (рис. 1, № 3), на стыке районов Понмён-1-дон и Сачхан-дон г. Чхончжу (рис.1, № 7), в районе Вольгкок-1-дон и Вольгкок-2-дон г. Кванчжу (рис. 1, № 11), в уезде Тальсон г. Тэгу (рис. 1, № 9), в районе Сонгон-дон г. Кёнчжу (рис. 1, № 8) и волости Чинъён г. Кимхэ (рис. 1, № 10).

При этом небольшие сообщества русскоязычных корейцев, как и связанные с ними этнические бизнесы, есть во многих других городах и уездах Южной Кореи, однако степень концентрации русскоязычного населения, как и уровень развития местных сообществ, не позволяет пока классифицировать их как полноценные этнокультурные анклавы.

Вместе с тем уровень развития специфической инфраструктуры и самого общества внутри корёин маыль по всей Южной Корее неодинаков. Автор делит корёин маыль на две группы: сформировавшиеся и развивающиеся. К первой категории предлагается отнести корёин маыль в Кванчжу, Инчхоне и Ансане. Эти этнокультурные анклавы обладают от 11 до 12 внешних признаков, предложенных Ю.Ф. Кельман, а уровень их развития по её классификации можно определить как "оазис" (доминирование группы, продолжение иммиграции, этнические бизнесы).

Ко второй группе можно отнести все остальные корёин маыль, уровень развития которых колеблется по классификации Ю.Ф. Кельман от "порога" (превышение порога концентрации группы в данном районе, отсутствие специфического образа, архитектуры и институтов) до "теплицы" (развитая этническая инфраструктура, активное локальное сообщество) [2, с. 59–60].

Отдельно стоит упомянуть и о феномене так называемых "русских улиц". Пожалуй, наиболее типичным является пример Тонхэ, где между портом и вокзалом с начала 2000 г. вслед за началом захода сюда многочисленных судов, гружённых российским крабом, образовалась небольшая улица, обслуживающая нехитрые нужды русскоязычных экипажей. К концу 2000-х гг. здесь было около двух десятков кафе, баров и магазинов. Однако после ужесточения условий импорта краба в Южную Корею в 2013 г. число судозаходов начало стремительно сокращаться. Отсутствие здесь постоянного населения, которое бы обслуживали этнические бизнесы, способные стать точкой для притяжения русскоязычных мигрантов, не позволили "русской улице" в Тонхэ сохраниться. Поэтому спустя 10 лет в июле 2023 г., когда автор этих строк проводил там полевое исследование, в Тонхэ действовало лишь два заведения для русскоязычных, а общее число обладателей визы F-4 в городе составляло всего 50 человек (доля 0.056%). Известные "русские улицы" также расположены в районе Пусанского вокзала в Пусане и неподалёку от станции метро Тондэун в Сеуле. Таким образом, "русские улицы" сложно ассоциировать с этнокультурным анклавом, даже несмотря на наличие здесь этнических бизнесов, из-за отсутствия необходимой численности постоянно проживающего русскоязычного населения, способного поддержать их автономную работу.

Общие черты корёин маыль

Начиная с октября 2022 г. автор неоднократно посещал все перечисленные выше этнокультурные анклавы, что позволило накопить достаточный материал, в результате анализа которого были выявлены общие черты, характерные для большинства корёин маыль.

Пожалуй, важнейшими факторами для появления любого этнокультурного анклава на первом этапе его развития являются наличие **дешёвого съёмного жилья и рабочих мест**. Именно поэтому корёин маыль располагаются в кварталах южнокорейских городов, которые преимущественно застроены так называемыми "виллами" – малоэтажными строениями, в которых располагаются несколько 1-2 комнатных квартир (фото 1). Стоимость аренды в них как правило не очень высока и вносится ежемесячно. Такое жильё часто снимают студенты и трудовые мигранты, не имеющие достаточных средств для внесения большого залога, который требуется для съёма более комфортного и престижного жилья в многоэтажных жилых комплексах. Примечательно, что корёин маыль в городах Кёнчжу, Чхончжу, Ансон и Асан (волость Синчхан) располагаются в непосредственной близости от университетских кампусов. Там русскоязычные мигранты заселили кварталы, где ранее сдавалось дешёвое арендное жильё для студентов этих университетов. В остальных городах большая часть коммерческой и социально-культурной инфраструктуры этнокультурных анклавов также сконцентрирована в районах малоэтажной застройки, где располагается дешёвое съёмное жильё.

Наличие специфических рабочих мест также является общей чертой и важным фактором при формировании этнокультурного анклава. Большая часть жителей корёин маыль как правило владеет корейским языком на очень низком уровне даже спустя несколько лет после переезда в Южную Корею. Это значительно сужает их возможности на южнокорейском рынке труда. Однако в местах расположения больших промышленных зон или крупных сельскохозяйственных предприятий требуется большое число неквалифицированных или низкоквалифицированных рабочих, для которых хорошее знание корейского языка не является обязательным. Поэтому все корёин маыль расположены поблизости от таких промышленных или сельскохозяйственных зон. Интересно также отметить, что вокруг рабочего цикла трудовых мигрантов часто оформляется коммерческая инфраструктура корёин маыль. Торговые точки и кафе размещаются в местах, от-

куда отправляются и куда возвращаются после работы наёмные рабочие. Кроме того, важное место в любом корёин маыль занимают так называемые "офисы" и "биржи" – агентства по найму, через которые большинство рабочих устраивается на постоянную или временную работу.

Другой важной особенностью размещения корёин маыль в городском пространстве являются их довольно **чёткие границы**, сформированные как жилой застройкой, так и особенностями рельефа. Как уже было сказано выше, основная инфраструктура корёин маыль располагается в кварталах т.н. "вилл", окружённых другими типами застройки (жилыми комплексами, промышленными предприятиями, кампусами университетов, деловыми кварталами) или сельхозугодьями. К примеру, на рисунке (рис. 2) можно увидеть планкарту корёин маыль в волости Синчхан г. Асан, чьи границы сформированы ландшафтом, сельхозугодьями, шоссе и кампусом университета. Предполагается, что такие чёткие границы не позволяют этнокультурным анклавам "расползаться" и концентрируют население вокруг района, где располагается этническая инфраструктура.

Важным свидетельством присутствия большого числа русскоязычных жителей в месте расположения корёин маыль является наличие здесь множества **информационных плакатов и объявлений на русском языке**, с помощью которых местные жители и власти "ведут диалог" с русскоязычным сообществом. Эти надписи и плакаты можно условно разделить на три типа: информационные, рекламные и плакаты с пожеланиями.

Первый тип распространён наиболее широко и представлен информационными объявлениями, написанными от лица властей, коммерческих предприятий и общественных организаций или непосредственно автохтонными жителями района. Наиболее насущной бытовой проблемой в корёин маыль является неправильная утилизация мусора, чему и посвящена львиная доля объявлений. Нередко встречаются баннеры, информирующие о недопустимости незаконной деятельности и нарушения правил поведения в общественных местах. Информационные объявления, как правило, написаны сразу на нескольких иностранных языках (фото 2), что зачастую является отражением мультикультурности района, где располагается корёин маыль.

Рекламные надписи используют различные коммерческие организации для привлечения клиентов, размещая их в непосредственной близости от предприятия. Что касается плакатов с пожеланиями, то они, как правило, призывают к добрососедству или поздравляют со знаменательными датами и праздниками.

Ещё одной общей чертой всех корёин маыль является уже упомянутое несколько раз в этой работе наличие **этнических бизнесов** – кафе, магазинов и других развлекательных заведений, а также различных коммерческих компаний, оказывающих услуги русскоязычному населению анклава. Так как трудовые мигранты вынуждены жить в языковом пузыре, то для осуществления любых, даже самых простых, взаимодействий с автохтонным населением или государственными институтами они вынуждены обращаться к посредникам – переводчикам, адвокатам, нотариусам и т.д. А в самых крупных корёин маыль также представлены и такие специфические заведения, как цветочные и ювелирные магазины, салоны красоты и ломбарды.

Однако самой примечательной чертой местной коммерческой инфраструктуры, пожалуй, является распространённый здесь формат магазина-пекарни, так как хлебобулочные изделия занимают важное место в ежедневном рационе жителей постсоветского пространства. Кроме этого, в последние несколько лет вместе с увеличением числа русскоязычных мигрантов в Южной Корее сложился отдельный рынок для специфических молочных (кефир, творог), мясных (колбаса, сосиски, сало) и рыбных (копчёная и засоленная рыба) продуктов, насыщение которого происходит как за счёт импорта, так и внутреннего производства на территории Южной Кореи. К примеру, компания "Royal Food", чьи производственные мощности расположены недалеко от корёин маыль в районе Чинъён г. Кимхэ, работает с 2019 г. и уже начала продвигать свою продукцию не только через мага-

зины в этнокультурных анклавах, но и на местных онлайн площадках. Основной инвестор и директора отдельных производств, как и значительная часть сотрудников, являются выходцами из стран бывшего СССР.

К сожалению, среди общих черт, присущих корёин маыль, нельзя не назвать и **общие проблемы** русскоязычных этнокультурных анклавов. В связи с упомянутой выше тенденцией к переезду в Южную Корею целыми семьями, всё острее ощущается неподготовленность южнокорейской системы образования к приёму большого числа иностранных и иноязычных детей. По южнокорейскому законодательству школьное образование является всеобщим и бесплатным. Дети идут в образовательное учреждение по прописке. Поэтому в начальных школах, расположенных в черте корёин маыль, всё большую долю учащихся составляют русскоязычные дети. К примеру, в корёин маыль в волости Тэдок г. Ансон в конце 2022 г. из 240 учеников начальной школы Квандок 173 были русскоговорящими. По имеющимся у меня сведениям, более половины школьников являются русскоязычными в начальной школе Хынму г. Кёнчжу, начальной школе Пунмён г. Чхончжу, начальной школе Синчхан г. Асан, начальных школах Муннам и Хамбак г. Инчхон. Во всех остальных начальных школах, расположенных в непосредственной близости от корёин маыль, число русскоязычных школьников постоянно растёт вместе с увеличением числа мигрантов.

Родители отдают своих детей в местные образовательные учреждения в надежде на то, что они быстро освоят корейский язык и интегрируются в южнокорейское общество. Однако в реальности такой шанс есть только у тех ребят, которые только приступают к обучению (1-2 классы), так как они фактически начинают приобретать базовые знания по чтению и письму, а также изучать специфическую образовательную лексику вместе со своими южнокорейскими сверстниками. Остальные же русскоязычные школьники оказываются в ситуации, когда они не только не могут изучить корейский язык на достаточном уровне, но и не наращивают знания по базовым предметам, таким как математика или окружающий мир. В результате дети перестают интересоваться учёбой, а в некоторых случаях полностью отказываются от обучения или начинают проявлять агрессию по отношению к сверстникам и педагогам (по данным докладов, озвученных на семинаре, прошедшем 14 февраля 2023 г. в Университете Сонмун г. Асан [7]).

Не менее остро стоит проблема обучения взрослых корейскому языку и культуре. Чаще всего у них нет времени на получение дополнительного образования, да и число специализированных заведений невелико и имеет тенденцию к сокращению. Незнание языка принимающего сообщества делает невозможной интеграцию в него для трудовых мигрантов, а также снижает их конкурентоспособность на трудовом рынке Южной Кореи. Недостаточное понимание культуры зачастую приводит к конфликтным ситуациям с автохтонными жителями. Показательной в этой связи является проблема мусора, острота которой настолько высока, что информационные объявления, посвящённые ей, встречались во время полевого этапа наиболее часто.

Таким образом, общей насущной проблемой всех корёин маыль в Южной Корее является вопрос получения базового школьного образования для русскоязычных детей и языкового образования для взрослых. Частично она решается путём создания частных учебных заведений. Однако т.н. "русские школы" не имеют права выдавать документы государственного образца, так как фактически имеют статус учреждений дополнительного образования. Стоит также отметить, что высокая концентрация русскоговорящих школьников оказывает негативное влияние на обучение южнокорейских детей, так как педагоги вынуждены тратить много сил и энергии на обучение иностранцев, не способных усваивать знания на корейском языке. А это, в свою очередь, ещё более усложняет отношения между мигрантами и принимающим сообществом, в котором получение хорошего образования считается важнейшим условием для обеспеченного будущего.

Заключение

В результате проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Корёин маыль в Южной Корее называют места компактного проживания русскоязычных корейцев из стран постсоветского пространства. В то же время данный термин стоит понимать более широко: как районы компактного проживания сообществ мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которых являются русскоязычные корейцы. Корёин маыль обладают всеми основными характеристиками этнокультурного анклава и формируются на основе общности языка (русского) и культуры повседневности. Их важным элементом являются этнические бизнесы, чей успех и конкурентоспособность зависят от потока клиентов, формируемого самим этнокультурным анклавом.

2. Феномен корёин маыль начал формироваться в 2010-е гг. под влиянием двух факторов: изменения южнокорейского законодательства в отношении зарубежных соотечественников и ухудшения экономических условий на постсоветском пространстве. В результате русскоязычные корейцы начали переселяться в Южную Корею целыми семьями, насчитывающими представителей нескольких поколений. Плохое знание языка и реалий повседневной жизни привело к их расселению в рамках нескольких основных этнокультурных анклавов, которые и получили впоследствии общее название корёин маыль.

3. У всех корёин маыль есть ряд общих черт: а) расположение в кварталах с дешёвым съёмным жильём и поблизости от крупных промышленных зон или сельскохозяйственных угодий; б) наличие чётких границ, сформированных как ландшафтом, так и жилой городской застройкой; в) наличие вывесок, информационных и рекламных объявлений на русском языке; г) присутствие этнических бизнесов, представленных в основной своей массе магазинами и точками общественного питания со специфическим набором продуктов и блюд, а также прочей коммерческой и бытовой инфраструктурой, обслуживающей жителей этнокультурного анклава; д) высокий процент русскоязычных детей в общеобразовательных школах.

4. Корёин маыль в Южной Корее имеют разный уровень развития. Так, этнокультурные анклавы в городах Инчхон, Кванчжу и Ансан являются сформировавшимися и находятся на стадии развития, определяемой Ю.Ф. Кельман как "оазис", для которой характерно доминирование определённой группы населения, продолжающаяся миграция и развитая коммерческая, культурная и бытовая инфраструктура, обслуживающая данную группу. Все остальные корёин маыль Южной Корее находятся на стадии развития и постепенно движутся от "порога" к "теплице", то есть от превышения доли этнокультурной группы в населении к наращиванию этнической инфраструктуры, деловой и культурной сферы.

Литература

1. Голяшев А.В., Кельман Ю.Ф. Индекс локализации в социальной и экономической географии: традиция и новые подходы // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 376–380.
2. Кельман Ю.Ф. Полевое исследование этнокультурных анклавов в городах США. Методика и примеры // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 2. С. 56–80.
3. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
4. Espinoza-Kulick M., Fennelly M., Kevin B., Castañeda E. Ethnic Enclaves // Oxford Bibliographies in Sociology. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml> (дата обращения: 31.01.2024).
5. Portes A., Manning R.D. The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples // Competitive Ethnic Relations. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 47–68.
6. 고려인 등 재외동포 범위를 4세대 이후까지 확대합니다 // 법무부 웹사이트. URL: <http://www.moj.go.kr/bbs/moj/182/487613/artclView.do> (조회 날짜: 2024.01.31) = Принадлежность к корёинам и другим зарубежным соотечественникам расширили за пределы 4-х поколений // Веб-сайт Минюста. URL: <http://www.moj.go.kr/bbs/moj/182/487613/artclView.do> (дата обращения: 2024.01.31).
7. 국내 고려인 청소년의 주체적 활동과 과제. 세미나 자료집. 아산: 선문대학교, 2023. 94 쪽 = Автономная деятельность и задачи молодёжи корёин внутри страны. Сборник материалов. Асан: Университет Сонмун, 2023. 94 с.

8. 김승근. 러시아 연해주(沿海州)지역의 고려인(高麗人)마을 만들기과 운영실태에 관한 조사연구 // 한국 농촌건축학회논문집. 2007. vol.9. no.26. 129-137 쪽 = Кан Сынгын. Исследование создания и управления корёин маыль в российском Приморье // Хангук нончхон кончхук хаххе нонмунчжип. 2007. vol.9. no.26. С. 129-137.
9. 법무부 출입국외국인정책본부. URL: <https://www.immigration.go.kr> (조회 날짜: 2024.01.31) = Управление политики в области миграции и иностранцев Минюста. URL: <https://www.immigration.go.kr> (дата обращения: 31.01.2024).
10. 이창원, 최서리, 권채리, 박미화, 조하영. 방문취업(H-2)과 재외동포(F-4) 자격 통합에 대한 연구. 이민정책연구원 정책연구보고서 No. 2021 - 05. 이민정책연구원. 128 쪽 = Ли Чханвон, Чхве Сори, Квон Чхэри, Пак Михва Чо Хаён. Исследование объединения категорий виз гостевого трудоустройства (H-2) и зарубежных соотечественников (F-4). Исследовательский отчёт Центра миграционных исследований и обучения No. 2021 - 05. Центра миграционных исследований и обучения 128 с.
11. 임영상, 박마야. 타슈켄트의 신코리야타운 시온고 고려인마을과 한국문화 // 글로벌문화콘텐츠. 2010. no.5. 41-86쪽 = Им Ёнсан, Пак Майя. Корёин маыль – новый ташкентский Кореатаун и корейская культура // Гыллобол мунхва кхонтхенчхы. 2010. no.5. С. 41-86.
12. 임영상. 한국에서 고려인마을을 찾다 // 임영상. 서울: 북코리아(Bookorea), 2023. 352 쪽 = Им Ёнсан. Посещение корёин маыль в Корее // Им Ёнсан. Сеул: Буккореа, 2023. 352 с.

References

1. Golyashev A.V., Kelman Yu.F. The Localization Index in Social and Economic Geography: Tradition and New Approaches // World of Science, Culture, and Education. 2014. No. 3 (46). Pp. 376-380. (In Russ.).
2. Kelman Yu.F. Field Study of Ethnocultural Enclaves in US Cities: Methods and Examples // Urban Studies and Practices. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 56-80. (In Russ.).
3. Puzanov K.A. Territorial Boundaries of Urban Communities // Sociology of Power. 2013. No. 3. P. 27-38. (In Russ.).
4. Espinoza-Kulick M., Fennelly M., Kevin B., Castañeda E. Ethnic Enclaves // Oxford Bibliographies in Sociology. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml> (accessed 31.01.2024)
5. Portes A., Manning R.D. The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples // Competitive Ethnic Relations. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 47-68.
6. Affiliation with the Koryoins and Other Foreign Compatriots Extended Beyond Four Generations // Ministry of Justice Website. URL: <http://www.moj.go.kr/bbs/moj/182/487613/artclView.do> (accessed 31.01.2024.). (In Kor.).
7. Autonomous Activities and Tasks of Young Koryoins within the Country. Collection of Materials. Asan: Sonmun University, 2023. 94 p. (In Kor.).
8. Kim Seungeun. Study on the Creation and Management of Koryoin Maeul in the Russian Primorye // Journal of the Korean Association of Regional Geographers. 2007. Vol. 9. No. 26. P. 129-137. (In Kor.).
9. Ministry of Justice's Immigration and Foreigners Policy Department. URL: <https://www.immigration.go.kr> (accessed 31.01.2024). (In Kor.).
10. Lee Changwon, Choi Sori, Kwon Chhaeri, Park Mihwa, Cho Hayeon. Study on the Integration of Visa Categories for Guest Employment (H-2) and Foreign Compatriots (F-4). Migration Research and Training Center Research Report No. 2021 - 05. Migration Research and Training Center, 128 p. (In Kor.).
11. Im Yeongsan, Park Maya. Koryoin Maeul - New Tashkent Koreatown and Korean Culture // Global Culture Content. 2010. No. 5. P. 41-86. (In Kor.)
12. Im Yeongsan. Visiting Koryoin Maeul in Korea // Im Yeongsan. Seoul: Bukkorea, 2023. 352 p. (In Kor.).

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО, канд. ист. наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vakulenco@mail.ru

Vadim S. AKULENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vakulenco@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 06.02.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 01.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024